

Джон Стюарт Милль

О свободе

Джон Милль

О свободе

«Public Domain»

1859

Милль Д. С.

О свободе / Д. С. Милль — «Public Domain», 1859

Джон Стюарт Милль – основатель английского позитивизма, экономист и политический деятель, один из самых значимых философов 18 века. Вопрос гражданской свободы, о котором рассуждает автор в эссе «О свободе», будоражит человеческие умы с давних времен. Однако и сегодня он не только не утратил своей актуальности, но и стал еще более остро, оставаясь наиболее противоречивым и значимым. Свои прогрессивные взгляды, значительно опережающие время, автор излагает обстоятельно и аргументировано, соединяя в них блестящие знания экономики, политологии, а также логику и этику. Благодаря этому книга «О свободе» – это прекрасная пища для размышлений, открытая для новых смыслов и толкований.

© Милль Д. С., 1859

© Public Domain, 1859

Содержание

Глава I. Введение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Джон Стюарт Милль

О свободе

Глава I. Введение

Предмет моего исследования не так называемая свобода воли, столь неудачно противопоставленная доктрине, ложно именуемой доктриной философской необходимости, а свобода гражданская или общественная, свойства и пределы той власти, которая может быть справедливо признана принадлежащей обществу над индивидуумом. Вопрос этот редко ставился и едва ли даже когда-либо рассматривался в общих его основаниях, но тем не менее он был присущ всем практическим вопросам нашего времени, имел сильное влияние на их практическое решение, и скоро, вероятно, наступит время, когда он будет признан самым жизненным вопросом будущего. Собственно говоря, это вопрос не новый, – можно даже сказать, что он, почти с самых отдаленных времен, в некотором смысле, разделял людей; он на той ступени прогресса, на которую в настоящее время вступила наиболее цивилизованная часть человечества, он представляется при совершенно новых условиях, и потому требует совершенно иного и более основательного рассмотрения.

Борьба между свободой и властью есть наиболее резкая черта в тех частях истории, с которыми мы всего ранее знакомимся, а в особенности в истории Рима, Греции и Англии. В древние времена борьба эта происходила между подданными, или некоторыми классами подданных, и правительством. Тогда под свободой разумели охрану против тирании политических правителей, думая (за исключением некоторых греческих демократий), что правители, по самому положению своему необходимо должны иметь свои особые интересы, противоположные интересам управляемых. Политическая власть в те времена принадлежала обыкновенно одному лицу, или целому племени, или касте, которые получали ее или по наследству, или вследствие завоеваний, а не вследствие желания управляемых, – и управляемые, обыкновенно, не осмеливались, а может быть и не желали, оспаривать у них этой власти, хотя и старались оградить себя всевозможными мерами против их притеснительных действий, – они смотрели на власть своих правителей, как на нечто необходимое, но и в то же время в высшей степени опасное, как на орудие, которое могло быть одинаково употреблено и против них, как и против внешних врагов. Тогда признавалось необходимым существование в обществе такого хищника, который был бы довольно силен, чтобы сдерживать других хищников и охранять от них слабых членов общества; но так как и этот царь хищников был также не прочь пользоваться за счет охраняемого им стада, то вследствие этого каждый член общины чувствовал себя в необходимости быть вечно настороже против его клюва и когтей. Поэтому в те времена главная цель, к которой направлялись все усилия патриотов, состояла в том, чтобы ограничить власть политических правителей. Такое ограничение и называлось свободой. Эта свобода достигалась двумя различными способами: или, во-первых, через признание правителем таких льгот, называвшихся политической свободой или политическим правом, нарушение которых со стороны правителя считалось нарушением обязанности и признавалось законным основанием к сопротивлению и общему восстанию; или же, во-вторых, через установление конституционных преград. Этот второй способ явился позднее первого; он состоял в том, что для некоторых наиболее важных действий власти требовалось согласие общества или же какого-нибудь учреждения, которое считалось представителем общественных интересов. В большей части европейских государств политическая власть должна была более или менее подчиниться первому из этих способов ограничения. Но не так было со вторым способом, и установление конституционных – или же там, где они существовали, улучшение их, – стало повсюду главной целью

поклонником свободы. Вообще либеральные стремления не шли далее конституционных ограничений, пока человечество довольствовалось тем, что противопоставляло одного врага другому и соглашалось признавать над собой господина, с условием только иметь более или менее действительные гарантии против злоупотребления им своей властью.

Но с течением времени в развитии человечества наступила наконец такая эпоха, когда люди перестали видеть неизбежную необходимость в том, чтобы правительство было властью, независимую от общества, имеющего свои особые интересы, различные от интересов управляемых. Признано было за лучшее, чтобы правители государства избирались управляемыми и сменялись по их усмотрению. Установилось мнение, что только этим путем и можно предохранить себя от злоупотреблений власти. Таким образом прежнее стремление к установлению конституционных преград заменилось, мало-помалу, стремлением к установлению таких правительств, где бы власть была в руках выборных и временных правителей, – и к этой цели направились все усилия народной партии повсюду, где только такая партия существовала. Так как вследствие этого борьба за свободу утратила прежнее свое значение борьбы управляемых против правителей и стала борьбой за установление таких правительств, которые бы избирались на определенное время самими управляемыми, то при этом возникла мысль, что ограничение власти вовсе не имеет того значения, какое ему приписывают, что оно необходимо только при существовании таких правительств, которых интересы противоположны интересам управляемых, – что для свободы нужно не ограничение власти, а установление таких правителей, которые бы не могли иметь других интересов и другой воли, кроме интересов и воли народа, а при таких правителях народу не будет никакой надобности в ограничении власти, потому что ограничение власти было бы в таком случае охранением себя от своей собственной воли: не будет же народ тиранить сам себя. Полагали, что имея правителей, которые перед ним ответственны и которых он может сменять по своему усмотрению он может доверить им власть без всякого ограничения, так как эта власть будет в таком случае не что иное, как его же собственная власть, только известным образом концентрированная ради удобства. Такое понимание, или правильно сказать, такие чувства были общи всему последнему поколению европейского либерализма, и на континенте Европы они преобладают еще и до сих пор. Там до сих пор еще встречаются только, как блистательное исключение, также политические мыслители, которые бы признавали существование известных пределов, далее которых не должна простирается правительственная власть, если только правительство не принадлежит к числу таких, каких, по их мнению, и существовать вовсе не должно. Может быть такое направление еще и теперь господствовало бы также и у нас, в Англии, если бы не изменились те обстоятельства, которые его одно время поддерживали.

Успех нередко разоблачает такие пороки и недостатки, которые при не-успехе легко укрываются от наблюдения: это замечание равно применимо не только к людям, но и к философским и политическим теориям. Мнение, что будто народ не имеет никакой надобности ограничивать свою собственную власть над самим собою, – такое мнение могло казаться аксиомой, пока народное правление существовало только, как мечта, или как предание давно минувших дней. Мнение это не могло поколебать и такие необычайные события, выходящие из обыкновенного порядка вещей, как некоторые из тех, которыми ознаменовалась французская Революция, так как эти события были делом только немногих, захвативших в свои руки власть, и виноваты в них были не народные учреждения, а тот аристократический и монархический деспотизм, который вызвал собою столь страшный конвульсивный взрыв. Но когда образовалась обширная демократическая республика и заняла место в международной семье, как один из самых могущественных ее членов, тогда избирательное и ответственное правительство стало предметом наблюдения и критики, как это бывает со всяким великим фактом. Тогда заметили, что подобные фразы, как самоуправление и власть народа над самим собою, не совсем точны. Народ, облеченный властью, не всегда представляет тождество с народом,

подчиненным этой власти, и так называемое самоуправление не есть такое правление, где бы каждой управлял сам собою, а такое, где каждый управляется всеми остальными. Кроме того, воля народа на самом деле есть не что иное, как воля наиболее многочисленной или наиболее деятельной части народа, т. е. воля большинства или тех, кто успевает заставить себя признать за большинство, – следовательно, народная власть может иметь побуждения угнетать часть народа, и поэтому против ее злоупотреблений также необходимы меры, как и против злоупотреблений всякой другой власти. Стало быть, ограничение правительственной власти над индивидуумом не утрачивает своего значения и в том случае, когда облеченные властью ответственны перед народом, т. е. перед большинством народа. Этот взгляд не встретил возражений со стороны мыслителей и нашел сочувствие в тех классах европейского общества, которых действительные или мнимые интересы не сходятся с интересами демократии, поэтому он распространился без всякого затруднения и в настоящее время в политических умозрениях «тирания большинства» обыкновенно включается в число тех зол, против которых общество должно быть настороже.

Но мыслящие люди сознают, что когда само общество, т. е. общество коллективно, становится тираном по отношению к отдельным индивидуумам, его составляющим, то средства его к тирании не ограничиваются теми только средствами, какие может иметь правительственная власть. Общество может приводить и приводит само в исполнение свои собственные постановления, и если оно делает постановление неправильное или такое, посредством которого вмешивается в то, во что не должно вмешиваться, тогда в этом случае тирания его страшнее всевозможных политических тираний, потому что хотя она и не опирается на какие-нибудь крайние уголовные меры, но спастись от нее гораздо труднее, – она глубже проникает во все подробности частной жизни и кабалит самую душу.

Вот почему недостаточно иметь охрану только от правительственной тирании, но необходимо иметь охрану и от тирании господствующего в обществе мнения или чувства, – от свойственного обществу тяготения, хотя и не уголовными мерами, насильно навязывать свои идеи и свои правила тем индивидуумам, которые с ним расходятся в своих понятиях, – от его склонности не только прекращать всякое развитие таких индивидуальностей, которые не гармонируют с господствующим направлением, но, если возможно, то и предупреждать их образование и вообще сглаживать все индивидуальные особенности, вынуждая индивидуумов сообразовать их характеры и известными образцами. Есть граница, далее которой общественное мнение не может законно вмешиваться в индивидуальную независимость; надо установить эту границу, надо охранить ее от нарушений, – это также необходимо, как необходима охрана от политического деспотизма.

Что такая граница необходима, это бесспорно: но практический вопрос, как провести эту границу, как согласить личную независимость и общественный контроль, – этот вопрос почти еще не тронут. Все, что делает для человека ценным его существование, обуславливается наложением ограничений на свободу действий других людей. Следовательно, необходимо, чтобы закон, – а в тех случаях, которые не могут быть предметом закона, необходимо, чтобы общественное мнение обязывало людей исполнять известные правила поведения. Но какие же должны быть эти правила, – вот в чем самый важный для людей вопрос, а между тем, за весьма немногими только исключениями, это один из тех вопросов, в разрешении которых сделано наименее успеха. Не найдется двух таких Столетий и едва ли найдутся две такие страны, которые бы решали этот вопрос одинаково. Мало того: решение одного столетия делается обыкновенно предметом удивления для другого столетия, а равно решение одной страны – для другой. А между тем, если мы остановимся на отношении к этому вопросу людей известной эпохи и известной страны, то мы увидим, что решение его представлялось для них столь же мало затруднительным, как если бы он и не был вопросом и был бы уже раз и навсегда единогласно порешен человечеством. Правила, которые у них господствовали, казались им несомненными,

очевидными сами по себе; эта почти всеобщая иллюзия представляет собой один из примеров магического влияния привычки, которая не есть только, как говорит пословица, вторая натура, но постоянно ошибочно принимается за первую. Действие привычки устраняет в людях всякое сомнение относительно непреложности господствующих правил поведения, и действие это тем более сильно, что люди обыкновенно не чувствуют потребности в каких-либо доказательствах для убеждения себя в истинности этих правил или для оправдания их перед другими. В тех предметах, к которым обыкновенно относятся эти правила, свидетельство наших собственных чувств стоит всевозможных доказательств и делает все доказательства бесполезными, – таково общераспространенное мнение, которое поддерживают даже люди, имеющие притязание быть философами. Каждому человеку присуще желание, чтобы другие люди поступали таким же образом, как он сам поступает, и все сочувственные ему люди имеют в этом отношении одинаковое с ним желание, – вот что в действительности руководит мнением людей касательно правил поведения. Конечно, люди не сознают, чтобы их мнения о правилах поведения условливались их личным вкусом; но, тем не менее, мы не можем не признать делом личного вкуса такие мнения, которые в подтверждение своей истинности не приводят никаких доводов, или же, вместо всяких доводов, ссылаются на то, что так думают и другие люди, тогда как это обстоятельство, что известное мнение разделяется многими людьми, нисколько не доказывает истинности мнения, а свидетельствует только, что известный вкус принадлежит не одному, а многим индивидуумам. Для людей, не выходящих из общего уровня, их личный вкус, когда его разделяют другие люди, составляет не только совершенно достаточное доказательство, но и единственную основу их понятий о нравственности, которые не основаны на религии, и служит для них даже главным истолкователем тех нравственных правил, которые дает им религия. Следовательно, мнение людей о том, что похвально и что предосудительно, находится в зависимости от тех разнообразных причин, которые влияют на образование в человеке того или другого желания касательно поведения других людей, и которые в этом случае столь же многочисленны, как и вообще при образовании всякого рода желаний. Причины эти заключаются иногда в степени умственного развития людей, а иногда в их предрассудках и предубеждениях, – часто в их социальных стремлениях, а не редко и в стремлениях антисоциальных, в зависти, гордости, презрении, – но большею же частью в их законных или незаконных личных целях, в тех желаниях и опасениях, которые возбуждаются в них их личными интересами. Во всех обществах, где один класс господствует над другими, большая часть общественной нравственности условливается интересами господствующего класса и его сознанием своего превосходства. Так, в отношениях между спартанцами и илотами, между плантаторами и неграми, между правителями и управляемыми, между благородными и неблагородными, между мужчинами и женщинами большая часть понятий истекает из интересов и чувств господствующего класса, и эти понятия в свою очередь воздействуют на нравственные понятия членов господствующего класса касательно их отношений между собою. Напротив, в тех обществах, где класс, некогда господствовавший, утратил свое преобладание, или где его преобладание стало непопулярным, там нерасположение к этому преобладанию становится нередко главным условием, влияющим на нравственные чувства людей. Другой принцип, играющий важную роль в образовании правил поведения, налагаемых на людей законом или общественным мнением, состоит в раболепстве, в желании угодить своим временным господам или богам. Это раболепство, хотя по существу своему и есть чувство совершенно эгоистическое, но тем не менее оно не имеет в себе ничего лицемерного, – оно порождает в людях антипатии, совершенно искренние, – этому-то чувству люди и обязаны были своею способностью жечь колдунов и еретиков. Кроме того, в направлении нравственных чувств, при всех этих, более низких по своему достоинству, влияниях, всегда имело свою долю участие, и довольно значительную, также и то, что составляло очевидный общественный интерес. Правда, влияние общественного интереса на нравственные понятия обыкновенно были не ради самого этого интереса, не истекало из

сознания людьми того значения, какое общественный интерес должен иметь по отношению к их поступкам, а было только следствием тех симпатий или антипатий, которые этот интерес порождал в людях, и хотя стремления этих симпатий или антипатий не имели ничего общего или имели весьма мало общего с общественными интересами, но это нисколько не умаляло их влияния на установление тех или других нравственных правил.

Итак, симпатии и антипатии общества или наиболее могущественной части общества, — вот что в действительности главным образом определяет, какие именно правила обязаны соблюдать индивидуумы под страхом, в случае несоблюдения их, навлечь на себя преследование со стороны закона или со стороны общественного мнения. Люди, стоявшие выше общего уровня по своему умственному развитию и по своим чувствам, обыкновенно оставляли неприкосновенный самый принцип, на котором основывался такой порядок вещей, хотя и входили с ним в столкновение в некоторых частных его применениях. Их занимал вопрос о том, что должно быть для общества предметом симпатии и антипатии, а не о том, должны ли общественные симпатии и антипатии быть законом для индивидуумов. Они не вступались за еретиков, не действовали во имя свободы, а стремились только к тому, чтобы изменить те господствующие чувства, которые не были согласны с их личными чувствами. Только по религиозному вопросу некоторые индивидуумы становились по временам на более высшую точку зрения и упорно отстаивали ее: это обстоятельство весьма поучительно во многих отношениях, а не только в том отношении, что представляет собой наиболее разительный пример погрешимости так называемого нравственного чувства, так как *odium theologicum* в людях, искренно набожных, составляет самое непреложное проявление этого чувства. Те, которые первые свергли с себя иго так называемой всемирной церкви, были вообще также мало расположены допускать различие в религиозных мнениях, как и сама эта церковь. Но когда, наконец, после ожесточенной борьбы, не доставившей решительного торжества ни одной из борющихся сторон, различные церкви или секты вынуждены были ограничить свои желания сохранением того, что уже имели, тогда меньшинство, утратив надежду сделаться большинством, увидело себя в необходимости направить все свои усилия только к тому, чтобы те, которых оно не успело обратить в свою веру, не препятствовали ему исповедывать свои особые религиозные мнения. Итак, власть общества над индивидуумом вызывала против себя прямой протест почти исключительно только в деле религии, и только в религиозной сфере права индивидуума по отношению к обществу были заявлены как принцип. Большая часть великих писателей, которым мы и обязаны той религиозной свободой, какую только имеем, признавали право совести неотъемлемым правом человека и решительно отрицали, чтобы человек был обязан кому-либо отчетом в своих религиозных верованиях. Но людям вообще столь свойственна нетерпимость во всем, что близко их сердцу, что едва ли когда-нибудь религиозная свобода существовала иначе, как благодаря религиозной индифферентности, которая не любит, чтобы ее покой нарушали какими-нибудь богословскими спорами. По общему понятию религиозных людей, едва ли не всех без исключения, и даже в тех странах, которые пользуются наибольшей религиозной свободой, терпимость в деле религии должна быть допускаема не иначе, как с известными ограничениями. По понятию одних может быть терпимо разномыслие по вопросам, касающимся церковного управления, но никак не разномыслие по догме; по понятию же других могут быть терпимы всякого рода иноверцы, но только не паписты и не унитарии; третьи признают терпимыми все иноверия, которые не отрицают откровения, и только немногие идут далее этого и ставят условием терпимости веру в Бога и в будущую жизнь. Везде, где только большинство проникнуто искренним, сильным религиозным чувством, там оно почти нисколько не поступилось своими притязаниями за исключительное господство.

В Англии, вследствие некоторых особенностей ее политической истории, хотя иго общественного мнения может быть и тяжелее, но зато иго закона легче, чем в какой-либо другой стране Европы; там существует довольно сильное нерасположение к всякого рода вмеша-

тельству законодательной или исполнительной властей в частную жизнь, но это происходит не столько вследствие уважения к индивидуальной независимости, сколько вследствие старой привычки смотреть на правительство, как на представителя интересов, противоположных интересам общества. Большинство английского общества еще не дошло до сознания, что правительственная власть есть его собственная власть и что мнения правительственные суть его собственные мнения. Когда оно дойдет до этого сознания, то свобода индивидуума по всей вероятности в такой же степени будет терпеть от правительственного вмешательства, в какой в настоящее время терпит от вмешательства общественного мнения. И теперь англичане готовы всегда встретить сильным отпором всякую попытку со стороны закона контролировать индивидуумов по таким предметам, по которым они привыкли стоять вне всякого контроля; но при этом они нисколько не разбирают, действительно ли известный предмет должен или не должен подлежать легальному контролю, и вследствие этого нерасположение их к правительственному вмешательству, само по себе весьма похвальное, хотя часто и применяется кстати, но часто также применяется и совершенно невпопад. У них нет принципа, которым бы они оценивали правильность или неправильность правительственного вмешательства, все их суждения в этом случае совершенно произвольны, – каждый судит по своим личным наклонностям. Одни охотно поощряют правительство на всякое дело, если только видят, что правительство в этом случае может принести пользу или устранить вред, – другие же предпочитают лучше перенести зло, чем расширять сферу правительственной деятельности. Таковы два главных направления, – и когда возникает вопрос о правительственном вмешательстве по какому-нибудь частному случаю, одни становятся за вмешательство, другие – против, смотря по тому, которого из этих направлений они придерживаются; или же смотря по интересу, какой возбуждает в них тот предмет, на которых предполагается обратить правительственную деятельность; или же смотря по тому, ожидают ли от правительства, что оно поступит именно так, как того желают, или же поступит иначе; но редко, чтобы суждения в этом случае основывались на твердо установившемся мнении: должен ли известный предмет подлежать правительственному вмешательству или не должен. По неимению принципа, который бы руководил их суждением, как та, так и другая стороны часто впадают в заблуждение: одни нередко обращаются к правительственному вмешательству, когда этого вовсе не следует, а другие нередко осуждают это вмешательство, когда оно вовсе не заслуживает осуждения.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы установить тот принцип, на котором должны основываться отношения общества к индивидууму, т. е. на основании которого должны быть определены как те принудительные и контролирующие действия общества по отношению к индивидууму, которые совершаются с помощью физической силы в форме легального преследования, так и те действия, которые заключаются в нравственном насилии над индивидуумом чрез общественное мнение. Принцип этот заключается в том, что люди, индивидуально или коллективно, могут справедливо вмешиваться в действия индивидуума только ради самосохранения, что каждый член цивилизованного общества только в таком случае может быть справедливо подвергнут какому-нибудь принуждению, если это нужно для того, чтобы предупредить с его стороны такие действия, которые вредны для других людей, – личное же благо самого индивидуума, физическое или нравственное, не составляет достаточного основания для какого бы то ни было вмешательства в его действие. Никто не имеет права принуждать индивидуума что-либо делать, или что-либо не делать, на том основании, что от этого ему самому было бы лучше, или что от этого он сделался бы счастливее, или наконец, на том основании, что, по мнению других людей, поступить известным образом было бы благороднее и даже похвальнее.

Все это может служить достаточным основанием для того, чтобы поучать индивидуума, уговаривать, усовещивать, убеждать его, но никак не для того, чтобы принуждать его или делать ему какое-нибудь возмездие за то, что он поступил не так, как того желали. Только в

том случае дозвоительно подобное вмешательство, если действия индивидуума причиняют вред кому-либо.

Власть общества над индивидуумом не должна простирается далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей; в тех же своих действиях, которые касаются только его самого, индивидуум должен быть абсолютно независим над самим собою, – над своим телом и духом он неограниченный господин.

Едва ли есть надобность оговаривать, что под индивидуумом я разумею в этом случае человека, который находится в полном обладании своих способностей, и что высказанный мною принцип не применим, конечно, к детям и малолетним и вообще к таким людям, которые по своему положению требуют, чтоб о них заботились другие люди и охраняли их только от того зла, какое могут им сделать другие, но и от того, какое они могут сделать сами себе. По тем же причинам мы должны считать этот принцип равно неприменимым и к обществам, находящимся в таком состоянии, которое справедливо может быть названо состоянием младенческим. В этом младенческом состоянии обществ обыкновенно встречаются столь великие препятствия для прогресса, что едва ли и может быть речь о предпочтении тех или других средств к их преодолению, и в этом случае достижение прогресса может оправдывать со стороны правителя такие действия, которые не согласны с требованиями свободы, потому что в противном случае всякий прогресс, может быть, был бы совершенно недостижим. Деспотизм может быть оправдан, когда идет дело о народах варварских и когда при этом его действия имеют целью прогресс и на самом деле приводят к прогрессу.

Свобода не применима как принцип при таком порядке вещей, когда люди еще не способны к саморазвитию путем свободы; в таком случае самое лучшее, что они могут сделать для достижения прогресса, это безусловно повиноваться какому-нибудь Акбару или Карлу Великому, если только так будут счастливы, что в среде их найдутся подобные личности.

Но как скоро люди достигают такого состояния, что становятся способны развиваться через свободу (а такого состояния давно уже достигли все народы, которых может касаться наше исследование), тогда всякое принуждение, прямое или косвенное, посредством преследования или кары, может быть оправдано только как необходимое средство, чтобы оградить других людей от вредных действий индивидуума, но не как средство сделать добро самому тому индивидууму, которого свобода нарушается этим принуждением.

Здесь кстати заметить, что я не пользуюсь для моей аргументации теми доводами, которые мог бы заимствовать из идеи абстрактного права, предполагающей право совершенно независимым от пользы. Я признаю пользу верховным судьей для разрешения всех этических вопросов, т. е. пользу в обширном смысле, ту пользу, которая имеет своим основанием постоянные интересы, присущие человеку, как существу прогрессивному. Я утверждаю, что эти интересы оправдывают подчинение индивидуума внешнему контролю только по таким его действиям, которые касаются интересов других людей. Если кто-либо совершит поступок, вредный для других, то *a prima facie* подлежит или легальной каре, или же общественному осуждению, если легальная кара в данном случае неудобоприменима. Индивидуум может быть справедливо принуждаем совершать некоторые положительные действия ради пользы других людей, так, например, свидетельствовать в суде, принимать известную долю участия в общей защите или в каком-либо общем деле, необходимом для интересов того общества, покровительством которого он пользуется, совершать некоторые добрые дела, например, в некоторых случаях спасти жизнь своего ближнего или оказать покровительство беззащитному против злоупотреблений сильного; все это такого рода действия, которые индивидуум обязан совершать, и за несовершение которых он может быть совершенно правильно подвергнут ответственности перед обществом.

Человек может вредить другим не только своими действиями, но также и своим бездействием: в обоих случаях он ответствен в причиненном зле, но только привлечение к ответу в последнем случае требует большей осмотрительности, чем в первом.

Делать человека ответственным за то, что он причинил зло, – это есть общее правило; делать же его ответственным за то, что он не устранил зла, – это уже не правило, а, говоря сравнительно, только исключение. Но много таких случаев, которые по своей очевидности и по своей важности совершенно оправдывают подобное исключение. Во всем, что так или иначе касается других людей, индивидуум де-юре ответствен или прямо перед теми, чьи интересы затронуты, или же перед обществом, как их охранителем.

Нередко случается, что индивидуум по совершенно основательным причинам не подвергается никакой ответственности за причиненное им зло; но причины эти не в том заключаются, чтоб индивидуум действительно не должен был подлежать ответственности в данном случае, а проистекают из соображений совершенно иного рода. Так, например, случается, когда контроль общества оказывается недействительным и даже вредным, и люди обыкновенно поступают лучше, если предоставлены самим себе и освобождены от всякого контроля, – или когда оказывается, что контроль общества ведет за собой другое зло, еще большее, чем то, которое желательно предупредить. Но когда подобного рода причины препятствуют подвергать индивидуума ответственности за сделанное им зло, то в таких случаях собственная совесть самого индивидуума должна заступать место отсутствующего судьи и охранять те интересы, которые таким образом лишены внешней охраны, и индивидуум должен быть сам для себя в таких случаях тем более строгим судьей, что совершенно свободен от всякого другого суда.

Но в жизни человека есть такая сфера, которая не имеет никакого отношения к интересам общества, или, по крайней мере, не имеет никакого непосредственного к ним отношения: сюда принадлежит вся та сторона человеческой жизни и деятельности, которая касается только самого индивидуума, а если и касается других людей, то не иначе, как вследствие их совершенно сознательного на то согласия или желания. Совершающееся в этой сфере может и не касаться прямо других людей, а только косвенно, т. е. через посредство того индивидуума, которого касается непосредственно, – и на этом основании мне могут быть предъявлены некоторые возражения, которые, впрочем, я рассмотрю впоследствии, а теперь остановлюсь на том, что та сфера человеческой жизни, которая имеет непосредственное отношение только к самому индивидууму, и есть сфера индивидуальной свободы. Сюда принадлежат, во-первых, свобода совести в самом обширном смысле слова, абсолютная свобода мысли, чувства, мнения касательно всех возможных предметов, и практических, и спекулятивных, и научных, и нравственных, и теологических. С первого взгляда может показаться, что свобода выражать и опубликовывать свои мысли должна подлежать совершенно иным условиям, так как она принадлежит к той сфере индивидуальной деятельности, которая касается других людей; но на самом деле она имеет для индивидуума почти совершенно такое же значение, как и свобода мысли, и в действительности неразрывно с нею связана. Во-вторых, сюда принадлежат свобода выбора и преследования той или другой цели, свобода устраивать свою жизнь сообразно со своим личным характером, по своему личному усмотрению, к каким бы это ни вело последствиям для меня лично, и если я не делаю вреда другим людям, то люди не имеют основания вмешиваться в то, что я делаю, как бы мои действия не казались им глупыми, предосудительными, безрассудными. Отсюда вытекает третий вид индивидуальной свободы, подлежащий тому же ограничению, – свобода действовать сообща с другими индивидуумами, соединяться с ними для достижения какой-либо цели, которая не вредна другим людям; при этом предполагается, конечно, что к действию сообща привлекаются люди совершеннолетние, и при том не обманом и не насилием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.